«А для чего пріучать его говорить одного? Этого никто не знаетъ»,—развѣ для того, чтобы показывать его посѣтителямъ. И посѣтители, вообще очень вредившіе школѣ, были полезны для Толстого въ томъ отношеніи, что помогли ему притти къ окончательному убѣжденію въ томъ, что отвѣчаніе уроковъ и экзамены есть только остатокъ средневѣковыхъ суевѣрій. Посѣтители или убѣждались въ томъ, что ученикъ знаетъ то, чего они не знали (учитель удивлялъ ихъ какимъ-нибудь фокусомъ), или полагали, что онъ не знаетъ того, что онъ очень хорошо зналъ. Толстой говоритъ: «Если бы сорокалѣтняго образованнаго человѣка повели на экзаменъ географіи, то это было бы точно такъ же глупо и странно, какъ и когда ведутъ на такой экзаменъ десятилѣтняго ребенка. Чтобы узнать познанія того и другого, надо прожить съ ними мѣсяцы. И тамъ, гдѣ введены экзамены, въ сущности, является только новый безполезный предметъ—подготовка къ экзаменамъ».

Толстой пробовалъ на урокахъ исторіи спрашивать учениковъ поодиночкѣ. Большинство скоро стало скучать. Человѣка три, самыхъ смѣлыхъ, постоянно одни отвѣчали, человѣка три, самыхъ робкихъ, постоянно молчали, плакали и получали нули. Новый учитель былъ въ ужасѣ отъ этихъ результатовъ и отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ, что то тотъ, то другой мальчикъ глупъ и непонятенъ.

«Отъ Савина не могу добиться ни одного слова», писалъ онъ.

«Савинъ,—это румяный, пухлый, съ масляными глазами и длинными рѣсницами, сынъ дворника». Симпатичная и красивая личность этого мальчика поразила Толстого, въ особенности тѣмъ, что въ классѣ ариѳметики онъ былъ первый по силѣ соображенія и веселому оживленію. Читалъ и писалъ онъ тоже недурно. Но какъ только спрашивали его, онъ поджималъ на бокъ свою хорошенькую кудрявую головку, слезы выступали на его большія рѣсницы, онъ будто хотѣлъ спрятаться отъ всѣхъ и видимо страдалъ невыносимо. Заставить его выучить, — пишетъ Толстой,—онъ разскажетъ, но